

Ясновидец Пятаков

Автор:

Александр Бушковский

Ясновидец Пятаков

Александр Сергеевич Бушковский

Классное чтение

Александр Бушковский родился и живёт в Карелии. Автор четырёх книг прозы. Финалист премии «Ясная Поляна» (сборник «Праздник лишних орлов») и лауреат Национальной премии им. Валентина Распутина (роман «Рымба»).

Гаврик, герой нового романа «Ясновидец Пятаков», получает неожиданный дар слышать мысли других людей и транслировать без слов свои. Неведомым образом ему удалось установить связь с чем-то запредельным, и теперь он словно бы пытается предупредить тех, кто его слышит, что за спиной обрыв и оглянуться нельзя – засосёт и утянет за край...

Александр Сергеевич Бушковский

Ясновидец Пятаков

© Бушковский А.С., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Гаврик Пятаков, худощавый и невысокий мужчина средних лет в короткой болоньевой куртке с надписью «Миллениум», без шапки и перчаток, вышел утром из храма Царственных Мучеников на перекрёстке улиц Свердлова и Войковской. Стояла зима, и брёвна церкви промёрзли до звона. Выдыхая пар в мороз, Гаврик сбежал с крыльца и перекрестился. «Х-ху-у, слава те, допустили к Чаше, теперь полегчает!» – подумал он и скоренько зашагал к своему в прошлом яркому, как печёный желток, а теперь тусклому и потёртому рыжему автомобилю, оставленному за углом.

Полегчать должно было наверняка. Он точно знал это по собственному опыту. Три года назад Гаврик, пребывающий тогда в глубоком и мрачном запое, однажды белым днём вдруг обнаружил себя сидящим на корточках вместе с попрошайками на обочине дорожки, ведущей к церкви. Вспомнить, как тут оказался, он не мог, зато держал в руке пустую баночку из-под оливок, куда редкие прохожие могли, если б захотели, бросать монетки. Проходившая мимо незнакомая суровая тётка остановилась, оглядела его презрительно и спросила тоном старшины:

– Пятаков?

Гаврик тупо промолчал.

– Ты моей невестке дом рубил, – утвердила она и взяла его за рукав. – Вставай давай! Брось банку.

Гаврик поставил баночку на снег и с трудом поднялся.

– А ну-ка пойдём! – И она повела его к дверям церкви. – Сейчас «Неупиваемая Чаша» будет, постоишь и послушаешь. Что за народ вы такой, мужики? Руки хоть и оттуда растут, зато плюй в глаза – всё божья роса!

Весь молебен она стояла рядом и держала его за рукав, но Гаврик никуда и не собирался бежать. Наоборот, он едва не заснул под монотонный голос священника. С последним «аминь!» он проснулся, и ему внезапно стало легче, почти хорошо. Суровая тётка вывела его на крыльцо и спросила всё так же грозно:

– Жена, что ль, выгнала?

– Сам ушёл.

– Тогда ступай домой. Два дня не пей, не ку-ри! – Отряхивая от какой-то пыльной побелки его тощую куртку, она так гулко ударила Гаврика ладонью меж лопаток, что тот вздрогнул и поёжился. – В субботу вечером придёшь сюда, я тебя буду ждать. Звать-то как? Я запомнила...

– Гавриилом.

– Ну-у дак! А ещё сомневаешься! – непонятно чему обрадовалась она. – Всё, шагай!

Гаврик, к тихому своему изумлению, пошёл домой и помирился с женой. Вечером в субботу ноги сами принесли его обратно, и тётка действительно встретила его на крыльце:

– Сейчас подойдёшь к батюшке, скажешь «каюсь, отче, пью, гуляю». Он тебя спросит, ты ответишь. Завтра утром снова придёшь, причастись. А там иди на все четыре.

Ни о чём не задумываясь, Гаврик сделал всё так, как велела тётка, и даже не заметил, что священник, накрыв расшитым полотенцем, не спрашивая, назвал его полным именем. А воскресным утром после долгой службы и очереди к чаше за ложечкой вина с кусочком хлеба он внезапно и окончательно протрезвел. Мутная тоска куда-то уползла, впусив на своё насиженное место спокойную радость. Люди вокруг по-доброму улыбались, из-под тающего снега торчала зелёная бутылка от йогурта, а придорожная мазутная грязь переливалась радугой и утекала ручьём вместе с солнечными искрами. По пути домой Гаврик удивлённо разглядывал город. Рассвет прозрачно окутывал оранжевым сонные дома, резко вычерчивал их силуэты и странно пах благовонным дымом. Воздух хотелось глотать, как газировку...

Гаврик, он же Гавриил Петрович Пятаков, вообще-то немного стеснялся своего имени, казавшегося ему архаичным, и при знакомстве иногда представлялся Гариком. Нет-нет, просто Гарик, не Игорь, и не Георгий, и уж тем более не Гарри. В детстве он был обижен на родителей за такую несправедливость с

именем. Однажды даже упрекнул отца, сказав, что тот мог бы назвать его как-нибудь проще, Андреем, например. О том, что он именно Гаврик, знали немногие, в их числе и бич Андрюха, который частенько побирался тут, возле церкви, а когда-то давным-давно служил вместе с ним в армии, в одной роте.

На прошлой неделе Гаврик, вместо того чтоб работать и кормить семью, снова пропьянствовал два дня на срубе с товарищами, весёлыми плотниками, закусывал салом, ругался матом и всю пьянку курил. С головой окунулся он в синий омут, завис между дном и покрышкой, но всё же относительно быстро вынырнул. Сутки мрачно отходил. После этого ещё два дня кое-как попостился, а вчера с трудом и со страхом заставил себя пойти на вечернюю службу. Однако обошлось. Выстоял и обтекаемо рассказал о своём поведении отцу Николаю. Посетовал на грязные и унылые мысли в голове. Отец Николай тяжело вздохнул и разрешил, а сегодня вот отпустил лекарство.

Раздавая по пути монеты от рубля до десяти гражданам и гражданкам, стоящим и сидящим со стаканчиками вдоль дорожки, Гаврик сообразил, что не видит бича Андрюху, которому вчера от радости после исповеди выдал целую сотню. Сотня эта была заначена для одной знакомой многодетной прихожанки, которую он встречал иногда на службе, но вчера отчего-то не встретил. Гаврик подумал ещё: ничего, не обеднею, зато Андрюха, должно быть, обрадуется! Вместо него стоял угрюмый подросток, лицом похожий на Андрюху, но не такой опухший.

– А где отец? – спросил Гаврик и опустил в его стаканчик пятак.

– Здоровья вам, – ответил подросток равнодушно. – Помер он.

Гаврик остановился.

– Как помер? Когда? Я вчера его тут видел.

– Вчера и помер. Замёрз пьяный. Немного не дошёл до нашей будки.

– ...

– В морге он щас. – Подросток указал большим пальцем за плечо.

– А мама?

– Поминают. В будке. Говорит, без нас похоронят, – добавил он, упреждая последний вопрос.

– Подожди...

Гаврик добежал до машины, вытащил из кошелька одну из двух лежащих там пятаков и поспешил обратно.

– Маме отдай...

– Здоровья вам, – глухо повторил подросток, убрал купюру в карман, высыпал туда же мелочь из стаканчика и зашагал прочь. На ходу он уронил стаканчик, оглянулся и вдруг побежал, согнувшись и вжимая голову в плечи.

Гаврик вернулся к машине, сел за руль и пару минут сидел, тупо глядя на приборную доску. Народ расходился из храма, прошла мимо и многодетная прихожанка Светлана с усталым лицом. Пятаков завёл машину и поехал домой. В дороге он дважды с силой ударил ладонями по рулевому колесу и беззвучно выматерился, а на повороте возле дома пережал педаль газа и въехал во двор юзом.

До?ма ещё спали. Несколько минут Гаврик бродил из прихожей в кухню и обратно по скрипучему полу, скрюченными пальцами расчёсывая кожу головы под волосами. Наконец тихонько зашёл в дочкину комнату, порылся в ящике стола и вытащил оттуда ручку и чистую тетрадь в линейку. Прикрыв за собой дверь, сел на кухне, подпёр ладонью лоб и начал писать: «Сегодня ночью человек один замёрз. Я его знал. Из-за меня замёрз, не иначе. Я ему вчера сотню дал. Не было бы сотни, так бы не напился. Или напился? Кто его знает? Да ну! Судьба это. От неё не уйдёшь. Я же хотел как лучше. Что же, выходит, теперь я убийца? Неумышленно ведь...»

В кухню пришлёпала босыми ногами сонная жена и несколько секунд удивлённо смотрела, как Гаврик лихорадочно карябает что-то на бумаге. Но скоро это ей надоело, и она ушла в туалет. Гаврик продолжал: «Пиши, Гавриил, пиши! Что тебе ещё делать? Опять запить? Не поможет, сам знаешь. На работу поехать? Выходной. Телек включить? Не верю. Книжку почитать? Так ведь гляжу в книгу,

а вижу фигу. Да и нет у меня таких книг, чтоб...»

– Гаврик, поставь чайник, а? – попросила жена, переходя в ванную.

Он задумчиво встал, отложил ручку и включил газ. Подошёл к подоконнику, опёрся на него кулаками и поглядел в окно. За окном задул ветер, и параллельно земле полетел между деревьями мелкий и колючий снег, а небо стало тёмно-серым с чёрными прожилками, как свежий цементный раствор.

«Зачем я ему пятисотку дал? – мрачно думал Гаврик. – Всё равно он её матери не отдаст. А если отдаст, то упьются все вусмерть. Как бы ещё кто-нибудь не помер!» Он сморщился и прикрыл глаза. «Да не, баба так не должна напиться, всё же умнее мужика». Он снова сел за стол и продолжил: «Твоя вина, Гавриил. Почему хочешь как лучше, а выходит наоборот? Пятисотка ему пригодится. Что-то купит. Или пива наберёт. С виду лет четырнадцать. Или клею купит нюхать. Эти такие. Почему что ни делай, всё через жопу?» Гаврик зачеркнул последнее слово, но замены ему не подобрал. Перечитал всё написанное и встал, чтобы снять чайник с огня.

– Что это ты? – Жена кивнула на тетрадь, завязывая пояс халата.

– Так, по работе, список материалов, – отмахнувшись, привычно соврал Гаврик, и тут его кольнуло: «Вру, не задумываюсь, как будто так и надо. Знаю же, что худо это. Всё равно вру на каждом шагу. А что скажешь? Рассказывать с самого начала?»

Жена осталась в кухне заваривать чай, а он ушёл в комнату и сел за стол.

«Андрюха нераскаянный помер. Зависнет теперь между небом и землёй», – написал Гаврик и отложил ручку. Он представил себе, как Андрюха засыпает пьяный в сугробе, лицо его цвета еловой коры заматает позёмкой, а сальные волосы примерзают к утренней корке наста. Гаврик хорошо знал, как это – уснуть сильно пьяным. Просто провалиться во мрак и гул, а потом в тишину и небытие. Но что потом? Какая она, смерть? Гаврик очень надеялся, что Андрюхе не было больно. Но душа-то вылетит! И ужаснётся!

Раньше Гаврик и сам не верил в душу, пока однажды с друзьями они не улетели с просёлочной дороги под откос. На скорости девяносто в синих «Жигулях».

Трижды перевернулись через крышу, водитель убился, раздавив грудь об руль, штурман сломал спину, а Гаврик на заднем диванчике только изрезался об осколки стёкол и набил шишку на голове. Зато он прекрасно видел, словно в медленном кадре паря с правого боку от машины, как она тяжело кувыркается, рвёт дёрн, ломает осинки под насыпью, наконец бьётся лобовым стеклом о камень и застывает колёсами вверх. Видел своё тело летающим по салону, как кукла, видел и выпорхнувшего из окна изумлённого водителя Вовчика. Вовчик парил напротив, слева от крутящейся в воздухе машины. Потом он пропал (видны были только плечо и мёртвый затылок), а Гаврик обнаружил себя лежащим изнутри на крыше в брызгах стёкол и штурмана Валерку зажатый на правом сиденье вниз головой и визжащим от ужаса и боли.

– Иди чай пить, Гаврик! – позвала из кухни жена.

«А душа куда? Куда Вовчик полетел? Ведь он исчез! Не в свой же труп залез обратно?» Гаврик не знал ответа на эти вопросы, хотя теперь не сомневался, что видел этот кошмар своей собственной душой. Зато он слышал ответ отца Николая и боялся, что тот прав. Отец Николай, молодой и интеллигентный, похожий, как казалось Гаврику, на аспиранта и на хиппи одновременно, выслушав его на исповеди, внезапно сказал: «Вам, Гавриил, возможно, дан второй шанс. Задуматься и измениться. А водителя вашего, боюсь, бесы утащили. Ведь вы же сами сказали, что ехали нетрезвые. Хотя... никто не знает точно, что там будет и кто там ждёт».

Гаврик поплёлся на кухню.

«Рассказывать жене? Или нет? Вот тоже вопрос! Рассказать – значит, расстроить её, она такая впечатлительная. Если не рассказывать, увидит, что я на нервах, начнёт допытываться. Врать не хочется... Видно, придётся всё же рассказать».

Кмоему глубокому огорчению и даже некоторой досаде, мне на своём веку не довелось общаться с великими людьми. Все эти известные телеведущие или выдающиеся политики никогда обо мне не слышали. Не знают меня и злободневные журналисты с актуальными режиссёрами. Ни знаменитые

спортсмены, ни заслуженные артисты, ни влиятельные продюсеры не пожимали при знакомстве мою руку. Прошедшую треть жизни я провёл среди обычных, среднестатистических, ничем не примечательных граждан, и, скажу больше, я не знаком даже с офисным планктоном...

Печальнее же всего – мне не везло на творцов! На поэтов, музыкантов и... Стоп! Вру. Есть у меня один знакомый, художник-баталист. Правда, не слишком уж широко известный, но это только потому, что он бывший полисмен, то ли участковый инспектор, то ли вовсе оперуполномоченный, приученный к конспирации и впитавший её с молоком матери. Зато теперь он ведёт вполне богемную жизнь и частенько пьян, а на полотнах ему особо удаются вспышки разрывов и атмосфера сражения. Немногочисленные знатоки его творчества в один голос уверяют, что это лучший живописец меж служителей закона и одновременно лучший сыскарь среди взявших в руки палитру и кисть...

Но вернусь к своей мысли.

На творцов мне хоть и не везло, однако жажда творчества, мысли о высоком искусстве и даже, чего греха таить, мечты о громкой славе не давали мне покоя с самого детства. Не дают и по сей день. Я пробовал себя в музыке, увлекался живописью и везде, особенно в поэзии, проявил способности. Одних способностей, к несчастью, оказалось недостаточно, для успеха было нужно что-то ещё, но что? Думая об этом, я пришёл к выводу: нужны гений, удача и блат. Неимоверным, титаническим усилием воли и напряжением всех сил, душевных и отчасти даже физических, я попытался обнаружить в себе гений, но, увы, не обнаружил. Отдышавшись и оглядевшись вокруг, я понял, что примерно так же обстоит дело и с блатом. Какая уж тут удача! На долгие годы пришлось мне тогда оставить искусство...

Река жизни вращала меня в водоворотах событий, несла по стремнинам желаний, окунала в омуты страстей... Вот видите, что я вам говорил? Готовая поэтическая строфа, ну просто начало стихотворения! Что-то среднее между дактилем, амфибрахией и анапестом. Только получается не очень ритмично – «вращала меня в водоворотах событий». Может быть, «вращала меня в поворотах событий»? Уже лучше, но ещё не то! Как это «вращала в поворотах»? Как детский волчок, что ли? Ерунда какая-то... Или тогда «крутила в заворотах»? Тоже нет, пожалуй. Это пахнет несварением желудка...

Да, так вот. С годами я набрался опыта и среди прочего услышал мнение, что человек хотя и немощен, и грешен, но с божьей помощью, видите ли, всё может. Ну, в смысле с богом может всё! Здесь я употребил бы ироничный смайлик. Уж нам-то с вами, людям образованным, совершенно понятно, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи. И что-то я не видел ни одной горы, передвинутой силой молитвы. Даже поступить наоборот и хотя бы себя переместить поближе к горам редко кому удаётся. Я, к примеру, никогда не бывал в Швейцарских Альпах.

Однако бог есть, как считает довольно большая часть населения нашей голубой планеты, и мало того, он – главный творец. А человек способен лишь со-творить. Ну что ж, я согласен, что такое мнение имеет право на существование. Не зря же тысячи лет люди молятся разным богам, а потом создают шедевры! Всякие пирамиды и зиккураты, одиссеи и нефертити. Пишут книги мёртвых и чёрные квадраты.

Я потехи ради хорошенько помолился. Сперва Кришне, затем Иегове. Почему именно им? Просто сначала я встретил на улице бритых под ноль адептов в мандариновых простынях и босиком (хоть было холодно и дождик), а потом свидетелей с вдохновенными лицами, блеском в глазах и пачками журналов под мышкой, и стал ходить на собрания к тем и другим по очереди. Когда об этом узнал мой бригадир Алексей Алексеевич Темчинов по прозвищу Чингисхан, человек большой во всех отношениях, он ласково посмотрел на меня, потом, здороваясь, немного сильнее обычного пожал мне руку (у меня чуть глаза на лоб не вылезли) и мудро изрёк: «Бросьте вы это мракобесие, Миша, мы же не в дикой Индии бичуем и не в Америке башню с долларами сторожим, а живём на православной земле. Вы тогда уж лучше в церковь сходите, больше толку будет». Мне почему-то сразу стало ясно, что он прав, и я перестал ходить к адептам и свидетелям. Правда, и в церковь я пока тоже не пошёл.

Дело в том, что я, мечтая об искусстве и пытаясь его сотворить, ради хлеба насущного трудился тогда в бригаде грузчиков под руководством Чингисхана. Не подумайте ничего предосудительного, работать в такой бригаде престижнее, чем клерком в ином министерстве. Никто не пьёт, не курит, не опаздывает. Тем паче не прогуливает. Все в чистой и единообразной робе. Зарплата как у замминистра. У нас и профсоюз был. В театр билеты раздавали, на разные там выставки. В библиотеку записаны были. И вот тут-то я и познакомился с Гавриком. Нет, не на выставке, конечно, а в больнице, где лежал тогда наш бригадир и куда наша бригада ходила его навещать.

Пожалуй, пора представиться. Меня зовут Михаил Станиславович Медвежонок. Нет, вы только послушайте! Михаил Медвежонок! Папа мой – Медвежонок Стасик, а я Медвежонок Миша. Ну разве станешь тут поэтом? Я даже псевдонима никогда не мог себе придумать, разве что Винни-Пух, который сочинял на досуге сопелки и вопилки. И правда, когда в нашей бригаде появился Гаврик Пятаков, нас сразу же прозвали Винни-Пух и Пятачок. Но только у тех поросёнок тянулся за медвежонок, а у нас получилось наоборот.

Ребята в бригаде подобрались крепкие, весёлые и задиристые, и работа у грузчиков, сами понимаете, не с документами. Полагаю, несладко пришлось бы малорослому Гаврику, если бы в первый же день Алексей Алексеевич не сказал нам с серьёзным видом, что мы должны быть очень внимательны с ним, и вообще он, этот Гаврик, наш шанс. Все, кроме меня, удивились. Никто не понял, о чём идёт речь, но вопросы бригадиру задавать было не принято.

К общему нашему сожалению, Гаврик Пятаков недолго работал в бригаде. По странным обстоятельствам, о которых я расскажу позже, ему пришлось покинуть нас, хотя трудился он отлично, старался, и коллектив его принял. А Чингисхан и вовсе полюбил Гаврика как родного. Многие из нас были обязаны ему чем-то добрым, полезным или вовсе просто чудом, не побоюсь этого слова. Но всё же он ушёл, и стало нам не хватать... смешно сказать, будто бы какой-то радости.

Однако всё по порядку.

С каждой нашей встречей Гаврик удивлял меня всё больше, и вот спустя почти год, в один прекрасный зимний полдень, я решил снова взяться за перо (хотя уже и не перо поэта) и в прозе рассказать о нём то, что знаю. Иначе всё забудется, а этого мне не хотелось бы. Напоследок должен не без удовольствия признаться, что и бывший бригадир наш, Алексей Алексеевич Темчинов, настоятельно просил меня подробно рассказать о Гаврике, полагая, что лишь у меня из всей бригады это получится в должной мере. «Михаил, пожалуйста, никакого художества! – велел он. – Только голая правда!»

И пусть некоторые находят, что слишком часто я использую клише и штампы или, наоборот, поэтические гиперболы и метафоры, не имеющие отношения к делу, мне всё изложенное ни-же представляется весьма похожим на правду, а главное, не слишком уж косноязычно рассказанным...

Татьяна, жена Гаврика, была сильно моложе его, зато крупнее и выше. При этом в начале знакомства она стеснялась своего роста и пышных форм, но именно сочетанием габаритов и стеснительности покорила Гаврика, едва они только встретились.

Это случилось летом в общежитии, куда он зашёл к товарищам попить пивка, а она приехала из деревни к старшей сестре поступать после школы в техникум. Они столкнулись на лестничной площадке. Таня бежала на экзамен и, мощно толкнув двери, чуть не сбила Гаврика с ног. Гаврик тайно восхитился туго упакованной развитой грудью, размером босоножек и розовым смущённым румянцем незнакомки. Неожиданно для самого себя он предложил подвезти спешащую девушку, поскольку подъехал к общежитию пусть и на древнем, зато на собственном автомобиле. А ко-гда она, совершенно покраснев, согласилась, у него от волнения пересохло во рту.

Гаврик тогда работал на стройке, неплохо зарабатывал и снимал квартиру на растущей окраине. О будущем не парился. Просыпаясь, первым делом закуривал и включал рок-радио. Варил ко-фе. Выходные частенько начинал с баночки пива. Эта жизнь давно устраивала его и затягивала всё сильнее, но пришедшая в гости Танюша резко всё изменила: выкинула окурки и пивные банки, для свежести открыла окно и в итоге сварила куриный суп. В техникум она не поступила, но огорчиться из-за этого не успела, потому что вскоре, после нескольких ночей в гостях у Гаврика, призналась, что беременна, и получила от него предложение руки и сердца. Деваться ей было некуда – скромно расписались.

Родив девочку и быстро восстановившись, Таня расцвела. Вместо того чтобы располнеть, как это часто случается с крупными барышнями, она похудела и стала стройнее. Фигура её из налитой девичьей плавно преобразилась в женскую. А на лице мягко засияла уверенность женщины, решившей главную задачу природы и продолжающей интересовать окружающих мужчин. Она убедилась в этом во время прогулок с коляской по пешеходным дорожкам строящегося микрорайона. Рабочие южных национальностей с головы до ног обжигали её пламенными взглядами, а иногда позволяли себе и восторженные

возгласы.

Жизнь текла, дочка подросла. Тане стало скучно сидеть дома, и она легко устроилась на работу. Окончив маникюрные курсы, быстро доросла до администратора салона красоты. От стеснительности, которая на первых порах располагала к ней людей, мало что осталось. Ну разве что умение слегка смутиться и порозоветь в нужный момент. Зато появился опыт в общении с клиентками салона и с их мужьями. Хозяйка была довольна – администратор Танечка натолкнула её на мысль открыть в салоне мужской кабинет. Он пользовался популярностью и приносил доход.

Со временем Таня перестала материально зависеть от Гаврика и осознала своё равноправие. Гаврик же был в свою очередь рад, что его Танюша хорошо одевается, прекрасно выглядит и здраво рассуждает. К тому, что иногда по утрам и вечерам он ходит в церковь, Таня относилась снисходительно. Может же быть у мужчины хобби? Подумаешь, в церковь. Не на футбол ведь, не в баню же с друзьями! Зато почти не пьёт, не курит. За все годы в браке только дважды и срывался с тормозов, и то ненадолго. А вот, к примеру, у соседки Ларочки супруг рыбак, так там с пятницы по понедельник то нерест, то путина. Сети, запах, чешуя, пустая тара. У Эльвиры и вовсе музыкант, там всё время то карнавал, то... как это... сейшн. Свистопляска, одним словом. Какие-то волосатые бомжи с гитарами и вульгарные девицы с сигаретами в красных губах.

А тут тишь да покой, скучновато только. Уставится на свои иконки с книжечкой в руках, бормочет что-то, шевелит губами, и взгляд отсутствующий. Ни в театр его не вытащить, ни в кино. Ни тем более на корпоратив или день рождения к знакомым. Друзей общих у Танюши с Гавриком не образовалось, у него, кажется, и вовсе их нет. Она, по крайней мере, таковых не знала. Да, ездили недавно к её маме на юбилей, так он сидел там молча и улыбался, как пришибленный.

Неплохо зарабатывает, надо признать, не хуже других. К тому же всё ей отдаёт. Честный, даже заначек нет, бедный ягнёночек (так соседка Эльвира называет подобных мужчин, она в театре гримёршей служит). Но, с другой стороны, сколько можно топором махать и по?том вонять? Вот у её хозяйки, Марины Леонидовны, муж каж-дую неделю маникюр делает и пахнет «Ланвином», а у приятеля его, Игоря Борисовича, пальто мягкого велюра на мощных (и загорелых) плечах плюс «Кадиллак Эскалэйд» как самолёт президента. И у этого самолёта на заднем диване из бежевой кожи ме?ста куда

больше, чем у них с Гавриком на кухне. Да что там на кухне! Когда диван этот нажатием кнопочки разложен, то их с Гавриком супружеская постель рядом с ним просто койка больничная...

Нет, всё-таки что-то не так с её Гавриком! Очень даже не так! Ну для чего живёт человек? Чего добился? Чего хочет достичь? Непонятно. Дома загородного себе не построил. Хотя и рубит их чуть не по десятку в год, а всё для других, для заказчиков. Сына не родил. Посадил ли дерево – неизвестно, но по миру не поездил, не видел его и жизни не знает. Бесцельно как-то существует... Сейчас, гляньте-ка, из угла в угол ходит и никак не решится ей что-то сказать.

4

Ярче всего из разноцветного детства Гаврик запомнил похороны деда.

Дед любил Гаврика больше других внуков, и Гаврик чувствовал это. Замечал, что дед всегда разговаривал с ним как со взрослым. Всегда, сколько Гаврик помнил, даже лет с шести. В свои теперешние тринадцать он вспоминал, как ещё дошкольником, сидя рядом на завалине, беседовал с дедом о звёздах на небе, которые отражались вечером в притихшем июльском озере, о жизни и смерти. Удивительно, почему Гаврик так отчётливо помнил эти разговоры?

– Как это «мы умрём»? – настойчиво спрашивал он деда. – Нас совсем не будет? Совсем-совсем?

– Ну... – Дед подыскивал слова. – Тут, на этом свете, не будет. – Жестом полководца он указывал рукой на озеро и деревню. – На том будем! – Он тыкал пальцем в небо. – Если повезёт. Тут в землю закопают, а там отвечать придётся.

Палец у деда был тёмный от машинного масла и немного кривой. Ещё в молодости раздробил его молотом в кузнице.

– На небе? – Гаврик силился представить. – Мы, что ли, летать будем?

– Кто летать, а кто и в пропасти ледяной тонуть. В бездне.

– Где?

– В бездне. Бездна – это когда...

– Когда дна под ногами нету, да?

– Точно.

– Я знаю, как это. Папа меня учил плавать, а я плакал, не мог, когда дна нет и вода холодная. А мы в земле полежим-полежим и встанем, да?

Дед удивлённо глядел на внука:

– Пожалуй, что и так.

– А кому будем отвечать? Учителю? – продолжал любопытствовать Гаврик. – Мишка в школу пошёл, там учитель на уроке спрашивает, и надо отвечать.

Мишка был старшим братом Гаврика.

– Учитель был здесь, – вздохнул дед, – а там будет судья. Там не забалуешь. Вот там, после смерти, судья и решит, куда нам, летать или в бездну падать.

– Откуда ты знаешь, деда? Ты же ведь ещё не умер?

– Я, Гавриил, два раза умирал, да снова ожил. Один раз на войне, а другой на охоте. Под лёд провалился, чуть не утоп. Промок и заболел. И лежал в лесу без памяти. Вот и...

– И по небу летал? – обрадовался Гаврик.

– Что ты, друг мой дорогой! – Дед сморщился, как от зубной боли. – На небо меня не пустили. Хорошо хоть, в пропасть не свалился. На самом краю висел. Спасибо тёзке твоему, вытащил за шкуру...

– Какому тёзке?

– Тёзка – это тот, у кого имя, как у тебя. Вот как тебя зовут?

– Гаврик.

– А полное имя?

– Гавриил Петрович Пятаков.

– Молодец, Гавриил Петрович! Твой тёзка меня и вытащил.

– Там, что ли, есть Гавриил Петрович Пятаков? – удивился Гаврик.

– Пятакова пока нет, Гавриил есть.

– А какой он? Я на него похож?

– Похож, только помладше. Вот вырастешь, тоже воином станешь, как и он.

– Он, что ли, воин? Как рыцарь? Или как солдат?

– Он как командир.

– А с кем он воюет?

– Врагов много...

– А какие они, враги? Как фашисты?

– Есть и пострашнее. Однако не пугайся, ты будешь хорошим солдатом.

– На небе?

– И на земле успеешь.

Дед отошёл в Пасху. Была она ранняя, в апреле, и снег ещё не весь стоял. После оттепели лёд на озере лежал голый и тёмный. Когда сквозь быстрые облака изредка прорывалось солнце, он начинал сиять и искриться.

В тот день с утра в избе скопилась уйма народу. Тишины никто не нарушал. Соседи, родня, бабушкины подружки-старушки и малознакомые старики входили не разуваясь, шёпотом здоровались, христосовались тоже шёпотом и рассаживались у гроба или в кухне. Бабушка Дуся вздыхала с печальной, но и немного торжественной, как показалось Гаврику, улыбкой:

– Всегда везучий Лёха был! На фронте разведчиком по минам ползал, а ни царапины. На медведя ходил до последнего, от бешеного лося за осиной прятался – всё как с гуся вода. И тут сразу к Боженьке! – рассказывала она всем, кто приходил в дом. – На Масленицу ещё на своих ногах ходил, в Прощёное из последних сил до Коськи-соседа дошёл, помирился. А мне на Страстную пятницу говорит, местечко тебе займу, но ты, Евдокия, не торопись. Ты ещё молодая, живи спокойно. Похорони меня только по-людски. Отца Петра позови. Деньги сама знаешь где. За радио лежат, в платочке замотаны. Там и отпеть, и на поминки, и на свечи останется. По воскресеньям ставь на помин моей души и за Гаврюхино здоровье.

Гаврик слушал бабушку и вспоминал, как в Масленицу дед с палкой, больше похожей на посох чабана, вышел из избы и сел на завалине. Он был в ушанке и фуфайке, худой и жёлтый, рот запал, а морщины рассекали лоб и скулы чуть не до самого черепа. Глаза же щурились на свет и смеялись. Стоял лёгкий морозец, ветра вовсе не было, и солнце лилось с неба, как музыка из репродуктора на столбе возле сельского клуба.

Народ шёл мимо на праздник, здоровались. Кое-кто из парней-зубоскалов подбегал поручкаться:

– Пошли с нами, дядь Лёша, покажешь молодёжи, как надо валенок метать!

Девушки, все нарядные и краснощёкие, сияли глазами и смущали Гаврика вопросами:

– Алексей Андреич, это ваш внук уже такой жених? Отпустите его с нами, мы ему невесту найдём!

Дед улыбался, махал рукой, мол, забирайте. Чуть лукаво и ласково щурясь, глядел им вслед.

А теперь дед умер и лежал в красном гробу спокойный, будто спал. Голова на подушечке. Только бумажная лента на лбу, в сложенных на груди руках иконка и стальная медаль «За отвагу» на лацкане пиджака. Гаврика подпустили к самому гробу, и он внимательно разглядывал деда. Ничего ужасного. Глаза закрыты. Такое же бледно-жёлтое лицо в морщинах, просто неподвижное. Руки и вовсе как живые. Большие, тёмные и в мозолях.

Хотя немного страшновато всё же было. Все вокруг молчат, разве что на кухне шепчутся, и дед спит так глубоко, что уж точно не проснётся. И ещё грустно, потому что отец вытирает рукавом покрасневшие глаза. Но тут за окном затарахтел мотор, и Гаврик разглядел меж тюлевыми занавесками, как во двор въезжает зелёный запорожец, а из него выбирается худой бородатый мужчина в чёрной шапочке, с саквояжем, как у врача, и в сером длинном пальто с жёлтыми военными пуговицами, из-под которого (мерещится, что ли?) метёт землю подол чёрного платья!

«Отец Пётр прибыл!» – зашептали вокруг. Первый раз в жизни увидев священника, Гаврик разглядывал его испуганно и жадно, но постепенно успокоился и даже почувствовал тайную радость, которой поначалу застыдился. Приглядевшись к окружающим, он заметил, что у всех, и у стариков, и у молодых, лица изменились так, как меняются лица его одноклассников, когда в кабинет входит учитель труда Юрий Леонидович, вместо указки берёт в руку штангенциркуль и говорит, сурово сдвинув брови: «С помощью этой штуки, друзья мои, можно творить чудеса!» С появлением отца Петра всё вокруг словно бы стало подчиняться пока непонятному, но вполне определённом смыслу.

Поздоровавшись коротко, отец Пётр поставил на лавку саквояж и снял пальто. Достал связку тоненьких, медового цвета свечей и пустил её по рукам, а потом, подойдя к гробу, опустил на сложенные ладони деда небольшой деревянный крест. Взгляд Гаврика приковал узкий золотой фартук до колен и золотые же манжеты на рукавах священника, которые засверкали под свечными огоньками. Мама осторожно захлопнула Гаврику рот, приподняв пальцем подбородок, и сунула в руки горящую свечу.

– Ну что, мои дорогие, – спокойно проговорил отец Пётр в тишине, – Христос воскрес! Кто знает – молитесь, кто может – креститесь, а кто не хочет – так послушайте, хуже не станет.

Он разжёл от свечи уголёк, раздул его и положил в железную чашку, висящую на цепочках и похожую на бабушкину ступку для перца. Потом стал раскачивать эту дымящуюся ступку и нараспев произносить малопонятные слова, иногда сверяясь с текстом по старой потёртой книге. Старики крестились и шевелили губами. Те, кто помоложе, внимательно слушали. Дым пах совершенно не как печной и не как от костра, слегка пьянил терпкой сладостью, и в колеблющемся огне свечей лицо деда вдруг показалось изумлённому Гаврику живым. Будто бы он тоже шевелит губами, повторяет эти непонятные слова и соглашается с ними морщинами, бровями и веками.

Потом понесли хоронить. Когда мужики подняли гроб на плечи, три древние старухи, с виду намного старше бабушки Дуси, стройно запели чистыми и сильными голосами: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас!» Гаврик был совершенно поражён и едва не заплакал, но не от горя, а от какого-то скорбного, щемящего восторга.

На улице Гаврика схватил за руку дедушкин сосед Серёга, самый весёлый и отчаянный мужик в деревне, отцовский друг:

– Поехали со мной, Гаврюха, дорогу деду подготовим.

Гаврик оглянулся на отца и, когда тот кивнул, лёг в сани за Серегиной спиной на ворох елового лапника. Серёга тронул вожжами рыжего Огонька, и сани, выскочив со двора и едва касаясь полозьями льда, полетели на другой берег узкого и длинного озера, к деревенскому кладбищу. От скорости у Гаврика перехватило дух, но он успел разглядеть, как гроб вынесли на улицу и поставили в телегу, а потом все медленно направились вслед за ней через деревню по оттаявшей дороге.

Лёд под санями был прозрачный, как бутылочное стекло. Он гудел под копытами Огонька, а подковы оставляли на нём глубокие зарубки. Гаврику казалось, что сквозь зелень льда он видит в глубине водоросли и тусклое мерцание рыбьих боков – словно райские птички перепархивают с ветки на ветку в сумраке джунглей. Свежие конские яблоки, падая, густо пахли и перешибали даже запах

хвои в санях. Полозья свистели, ветерок обжигал лицо.

Серёга неподвижно сидел вполоборота к Гаврику, держал в левой руке вожжи, а в пальцах правой тлела сигарета. Пепел падал на хвою.

– Не грусти, пацан! – вдруг громко сказал он, голосом перекрывая гул копыт и скрип полозьев. – Дед твой вот такой был мужик!

Он отстрелил окурок и поднял вверх большой палец. Гаврик кивнул, хотя вроде бы и не особо грустил: его увлекла езда. Но в то же время Гаврику почудилось, что Серёга сказал это больше самому себе, поскольку на последних словах его голос дрогнул. Домчали молча. Еловыми ветками нужно было выстелить тропу от дороги к могиле. Как только остановились, Гаврик стал охапками таскать их из саней к тропинке, а Серёга раскладывать одну за другой до самой могилы, прямоугольной ямы с кучами песка по краям.

– Зачем это, дядя Серёга?

Тот пожал плечами:

– Положено так. Сам не знаю, почему. Всю жизнь так хоронят.

Когда закончили, на скамейке возле ограды уселись ждать гроб. Кругом влажно пахло весной. Вершины осин и сосен казались нарисованными акварелью на серой бумаге небес.

– Вот что, Гаврила, – нахмурясь, заговорил Серёга и вытащил из кармана куртки маленькую книжечку с таким истёртым переплётом, что названия просто не было видно. – Дело такое. Дед наказал эту книжку тебе отдать. Чтоб ты читал. Что-то он ни тётке Дусе, бабке твоей, ни отцу твоему её не доверил, велел мне.

– А что это? – Гаврику было крайне любопытно, и он опасливо взял её в руки.

– Начнёшь читать – узнаешь. Никому только не показывай. Ни друзьям-приятелям, ни мамке, ни отцу. Мамка твоя, как учительница, сразу отберёт, а батяня против мамки не сдюжит. Всё подряд пока не читай, там закладки есть. Вот эту утром, эту вечером. Тихонечко, но в голос. А эту, тут пять слов всего,

наизусть выучи и всё время в голове повторяй, понял?

– Понял. А для чего?

– Точно сказать не могу, но думаю, что от страха. – Серёга тяжело вздохнул. – Дед говорил, ты и сам знаешь.

Гаврик вздрогнул. Он помнил, как однажды после дедовых рассказов ночью ему приснилась бездна. Он тонул в бескрайнем океане, из тяжёлой и липкой воды в низкое небо глядели только его круглые, выпученные от страха глаза, руки были словно приклеены к бокам, ноги будто связаны, а рот нельзя было открыть: он тут же наполнялся солью и холодом. Жгло нос и глотку. Давило в уши. Воздух кончался. Гаврику мучительно представлялось, что сейчас, через бесконечное мгновение, его ноги, живот и даже писюн обхватят мощные скользкие щупальца и потащат в глубину, а за лицо схватит кривозубая мурена и высосет глаза.

– Всегда носи с собой и каждый день читай, – продолжал между тем Серёга. – Не ленись. Иначе быть беде. Дед так и сказал. Ты же веришь ему?

– Верю.

– Будешь читать, будет всё нормально, а нет – горя хапнешь, и мы с тобой заодно. Так он и сказал, этими самыми словами.

– Тут почти ничего не понятно, – засомневался Гаврик, разглядывая незнакомые слова.

– Ничего, привыкнешь, – возразил Серёга и пробормотал в сторону: – Зато враг понимает... Там же русскими буквами и ударение даже есть! – добавил он.

– Какой враг? – спросил Гаврик, вспомнив сон и вздрогнув.

– Потом, не всё сразу. – Серёга махнул рукой.

– А ты, дядь Серёга, почему не читаешь?

Серёга помялся немного:

– Я, вишь, детдомовский, грамоте плохо учился. Да и дед велел тебе, больше на тебя надеялся.

– Почему?

– Не знаю, ему виднее было. Ты, главное, в школе никому не рассказывай, книжку не показывай. Тут у нас в деревне ещё можно отбрехаться, на Андреича старость свалить, а в городе папку с мамкой на работе пропесочат.

– За что?

– В школе вас разве не учат, что это опиум для народа? Ленин говорил. Что все попы – бездельники и кровопийцы.

– Учат...

– Ну вот. А читать надо! Дед неспроста поручение дал. Он много чего наперёд видел. И мне сильно помог... За неделю знал, когда умрёт. Хотел сам тебе всё объяснить. Да мамка твоя упёрлась, прям на дыбы, не стала тебя из школы забирать и сюда к нему больному везти. Пугать, видишь ли, не хотела!

Когда гроб с процессией добрался до кладбища, Серёга той же дорогой, через озеро, увёз замёрзшего Гаврика домой.

– Не хочу глядеть, как Андреича закапывают, – объяснил он. – Лучше дома выпью с хозяйками для сугреву, помяну его да пойду к себе, пока народ с кладбища не вернулся.

Дома женщины во главе с мамой Гаврика накрывали поминальный стол. Гаврика посадили хлебать суп, а Серёге налили рюмку.

– Царствия Небесного Алексей Андреичу! – Серёга со стуком поставил пустую рюмку на стол и занюхал коркой хлеба. – Хоть и коммунизм на носу, а так говорится. Слыхала, Нина, историю, как тестя твоего в партию хотели принять?

Нина, мама Гаврика, недовольно нахмурилась, раскладывая на столе вилки:

– Нет.

– Хотели. Старики не дадут соврать, да они сейчас на кладбище. Расскажу вам с Гаврюхой быстренько и пойду домой. Не стану тут застить. В общем, давненько было.

Мама Гаврика продолжала носить из кухни посуду и делала вид, что не слушает, но Гаврик слушал внимательно.

– Никита Сергеич тогда только на пенсию ушли. Партейная линия поменялась, и деду, как вечному передовику и лучшему слесарю, из парткома и говорят, поступай, говорят, Алексей Андреич, в партию! Зачислим для начала кандидатом. Он отказывается, мол, не достоин. Отчего же, спрашивают. Ты и ветеран, и план систематически перевыполняешь, ни одна машина у тебя не сломалась ещё после ремонта. Он им: ремонт ремонтом, а моральный облик мой не соответствует строителю будущего. Взглядов я, мол, не тех. Отсталых. Парторг Витька, Коськин племянник, по-доброму так начинает давить: ничего, товарищ Пятаков, взгляды поправим. Политику разъясним, информацию доведём. Дед: невозможно поправить, друзья-товарищи, они у меня с детства заостенелые. Тут в ячейке злиться начали, им, видать, тоже план спускают. Давай деда совестить, потом пугать. Тот спокойненько так: да вы, говорит, хоть запрос на меня, что ли, сделайте наверх. Вам там всё объяснят, какой из меня кандидат. А не отстанете, я Леониду Ильичу напишу, он вам точно отсоветует меня в партию принимать. Тут они все как вскочат на лапы! Ах так, мол? Священные имена тревожить? Ну что ж, кричат, мы на вас, гражданин Пятаков Алексей Андреевич, и без партийной линии управу найдём! Свободен пока! Проверили в милиции – всё чисто у деда. Рискнули в кагэбэ пожаловаться, ещё бы, какими именами хлещет! Но там, небось, хоть всё и засекречено, однако напряглись и сделали запросик чуть не в приёмную Политбюро. Сигнал ведь без проверки не оставишь. А из приёмной всем по шапке прилетело крепко, и нашим партейцам, и даже контрразведчикам! У тех ведь тоже партячейка имеется. Оказывается, дед с самим Леонидом Ильичом на Малой земле воевал, и было велено от него отстать и не трогать, а для начала извиниться. Уж потом, когда Леонид Ильич в полную силу вошёл, деда и вовсе стали опасаться и глаза закрывали даже, что он с попами дружит...

– Ну хватит, Сергей! – раздражённо перебила его мама Гаврика. – Ты мне ребёнка испортишь!

– Какой же он, Нина, ребёнок? Уже тринадцать лет, поди. И разве правдой испортишь?

– Такой вот ещё ребёнок! И правда правде рознь. Мало ли чего тебе дед Костя рассказал.

– И Косте земля пухом! Налей-ка, Нина, ещё рюмочку. Помянем обоих дедов. Константин Фёдорович хоть и записной был коммунист, а не врал.

Нина налила Серёге ещё. Он снова выпил и занюхал хлебом.

«Как это дед с Леонидом Ильичом на Малой земле воевал? Сражался с ним? – удивлялся Гаврик. – Как Пересвет с Челубеем, что ли? Как же он живой остался?»

– Поешь селёдки хоть, – буркнула Нина, и Серёга придвинул к себе тарелку.

– Гаврюха, помнишь деда Костю? – спросил он, наколов вилкой кусок рыбы.

Гаврик помнил. Коська, как звал его дед, был сухонький и сутулый старичок, вечно ворчал и спорил с дедом, но, несмотря на это, с детства приходился ему лучшим другом. Последнее время оба болели и всё же сходились на завалине то дедовской, то Коськиной избы, продолжали говорить и спорить. Сидели рядом, упирая в землю палки, глядели перед собой, не шевелясь, и обрушивали друг на друга доводы и аргументы, как снаряды, не целясь и не глядя на противника. Доходило до Коськиных криков и ответного тяжёлого молчания. Не так давно, к примеру, разругались в пух и прах. А всё из-за чего?

Гаврик ждал, пока Серёга закусит, и вспоминал, как поссорились старики. «Чую, не дожить с тобой нам, Лёха, до коммунизма, – то ли в шутку, то ли всерьёз сетовал дед Костя, – а хотелось бы». – «Не будет коммунизма, Коська, скоро отменят, – кряхтел в ответ дед. – Да вот жаль, недолго этому радоваться. Начальники наши ещё что-нибудь придумают, чтоб народ не расслаблялся». – «Кто его отменит, а? – начинал закипать Коська. – Думаешь, американцы? Куда им! Гитлер, и тот не смог, а уж на что силен был, мерин бесноватый! Или китайцы? Так у них свой коммунизм, ещё похлеще нашего!» – «Вот то-то и оно, что похлеще, – отвечал дед, – а наш свои же руководители и отменят! Придётся людям ещё крепче ремешки затянуть. Ничего, русскому люду привычно. А что

магазины опустеют, так то нашему брату даже полезно. Хоть пост соблюдём». – «Опять ты за своё? – вскидывался Коська. – Пост, молитва! Не слушай его, Гаврик, нет бога! Потому если б был, не дал бы одному гаду усатому пол-России сжечь и разграбить, а другому полстраны в лагерях сгноить! Чё молчишь, Лёха? Париуй!» Дед устало отмахивался. «Ага, нету аргументов мне предъявить? – продолжал спорить Коська. – Где же он был, когда фриц до Москвы дошёл, едва Волгу не перешёл? Когда людей, как поленья, в печах жёг и, как скот, вместе с чернозёмом в товарных вагонах к себе в рабство увозил? Сам знаешь, хотели нас, советских, пять процентов оставить для obsługi, а остальных прахом по ветру развеять над нашей же землёй!» – «Но ведь не развеяли же! – тихо и мрачно отвечал дед. – А когда наш гад усатый понял, что край приближается, велел всех попов из тюрем выпустить. И над линией фронта иконы возили, вот мороз и вдарил...» – «Так он не только попов, а всех уголовников в штрафбаты упаковал, тебе ли, ли?шенцу, не знать? – едва ли не кричал уже Коська. – Вспомни приказ “Ни шагу назад!”. Страхом только и держались! Думаешь, это Богородица твоя фельдмаршала Паулюса под Сталинградом заморозила?» – «Я не думаю, я знаю! – вдруг улыбнулся дед. – Мне ещё в сорок первом один учёный историк на пересылке рассказывал, как сначала Чингисхана, потом Наполеона, а теперь и Гитлера русский мороз к земле придавит. В вагоне минус двадцать было, а в полях вокруг до сорока доходило. Даже нам туго стало, а уж германцу вовсе невтерпёж! А насчёт страха это ты верно, страх хорошо помогает. Но одного страху мало, надо чего-то ещё». – «Чего же ещё тебе надо?» – «...Веры хоть чуток». – «Брось ты, Лёха, какой веры? Во что? В то, чего нет?» – «Всё, Константин, замолкни! А то наговоришь глупостей, жалеть потом будешь. Ступай!» Коська плюнул на снег и, согнувшись, поковылял домой, а дед хмуро и печально глядел ему вслед.

– А вот деда Костю по-советски хоронили, по-коммунистически, – опять вздохнул Серёга, – мутно как-то. Как старого мерина, за ненадобностью списали. Будто бы на собрании объявил парторг, что был, мол, Константин Фёдорыч верным сыном партии, служил исправно, и всё. Спи спокойно, дорогой товарищ. Вечная тебе память. Выпили по маленькой, пообедали в столовой и пошли по домам. А что значит «спи спокойно»? И «вечная память»? Это ведь не по-марксистски? Не по-ленински, а, Нин? Вечную память, её попы поют, да и какой тут спокойный сон, когда помер и в землю закопали? Тут уж екимёнков склад, черви да опарыши, перегной, одним словом.

– Ты чего разошёлся, Сергей? – напряжённо перебила его та тоном учительницы. – Успокойся, пожалуйста! Закусывай, закусывай!

– Спасибо, Нина, пойду я. – Серёга встал из-за стола. – Извини, это я с расстройством. Гаврик, пойдём, проводишь меня.

– До калитки, Гаврюша, – велела тому мама, – скоро уже с кладбища вернутся.

Возле калитки Серёга остановился, обернулся к Гаврику и сказал хмуро:

– Не подведи нас с дедом, Гаврюха! Дед твой хорошо прожил, много добра людям сделал. Мне, считай, за отца был. Из петли вытащил, с самого края. За минуту объяснил, какой я идиот и предатель, когда из-за бабы удавиться собирался. Он здесь солдатом воевал, а на том свете, небось, командиром будет. А ты у него тут с этой книжкой как разведчик остаёшься. Так что не подведи.

– Дядь Серёжа, а ты у него тут кто? – Гаврик едва удержался, чтобы не сказать «был».

– Я? – Серёга невесело усмехнулся. – Свой среди чужих.

Три года Гаврик исправно читал книжицу. Раскрывал закладки по утрам и вечерам, а коротенькие абзацы катал во рту, как леденцы. Он привык к ней, часто вспоминал деда и почти никогда не забывал взять её в руки перед сном. А утром и подавно. Удивительно, никто ему не мешал и вовсе ничего не замечал, отчего он и выучил почти всю книжку наизусть. Но на семнадцатом году он вдруг влюбился.

Инесса была студенткой-практиканткой в их школе, старше Гаврика и, естественно, выше ростом. Она научила его курить и однажды почти допустила до тела. Но потом рассмеялась, потрепала его по макушке и стала встречаться с другим. Постарше и повыше. Гаврик вмиг забросил истрёпанный томик куда-то на антресоли. Старался не думать о нём и злился, когда вспоминал.

Потом, уже в армии, он вовсе забыл о дедовском наказе, и немудрено. Безостановочная армейская беготня не предполагает пятнадцатиминутных пауз после подъёма и перед отбоем. А муштра и дедовщина даже и маленькие абзацы вышибут из головы, как кулак леденцы из зубов. Вместо них стали прилетать из дома новости.

Бабушка Дуся в одинокой жизни ослабела умом, перестала узнавать родню. Но перед самой смертью чётко и ясно сказала Нине: «Мишу берегите!» Потом как-то растопила печь, забыв открыть задвижку трубы, задохнулась и сгорела вместе с домом. У Серёги, врачи сказали, оторвался тромб, и он внезапно умер, не успев собраться. А брат Мишка, откосив от армии, гулял и веселился целый год, после чего разбился на мотоцикле. Голова отказала сразу. Сердце остановилось на третий день в реанимации.

Когда всех перехоронили, отец запил, ушёл из дома и пропал. Искали с милицией, не нашли. Гаврик вернулся из армии в другую жизнь. Железная мама Нина всё ещё продолжала работать в школе учителем истории. Гаврик как-то спросил её, почему она так истово верит Марксу и Ленину, на что она округлила глаза и ответила: «Но это же Маркс и Ленин! Непререкаемые авторитеты в области политической и экономической теории!» Однако вскоре эта теория рухнула вместе со страной, квартиру пришлось обменять на меньшую, маме пойти работать техничкой, а Гаврик поселился в общежитии.

5

– Тут такое дело, Танюша! – Гаврик, как арестант в тюремном двореке, бродил кругами по кухне, сжимая за спиной правый кулак в левой ладони. Таня пила кофе. Она не любила чай по утрам, от чая её мутило и портился цвет лица. А кофе бодрил. С молоком и без сахара.

– Сядь уже, Гаврик, не мельтеши, – устало вздохнула она, – успокойся! Что стряслось?

Гаврик сел на табурет, оперся локтями о колени и сжал пальцы в замок:

– Помнишь, рассказывал тебе про Андрюху-бича, в армии со мной служил?

– Смутно.

– Вчера вечером дал ему сотню, а сейчас узнал, что он ночью замёрз пьяный.

– Ужас какой, – проговорила она всё так же устало. – Зачем дал-то?

– Так получилось...

– ...

– Хочу похоронить по-человечески. Больше некому, а он из-за меня замёрз.

– Чё это из-за тебя-то? – Безымянным пальцем Таня ковырнула уголок глаза, отчего брови её приподнялись, сделав лицо удивлённым.

– Так я же сотню дал...

– Ну и что? Ты ж ему водку в рот не заливал!

– ...

– От меня-то что требуется?

– Денег немножко мне надо.

– Сколько «немножко»?

– Пятёрку хоть бы. А лучше десятку, – с трудом назвал цифру Гаврик.

Таня помолчала, глядя на Гаврика безо всякого выражения.

– Нет, – наконец сказала она так же спокойно.

– Ты же знаешь, я заработаю и сразу верну... – тихо начал Гаврик, но Танюша не дала ему закончить.

– Нет. Если каждого бомжа за десятку хоронить, никаких десятков не хватит. Есть специальные службы. Он тебе кто? Сват? Брат?

Гаврик почувствовал, как жгучая волна поднимается из желудка в голову, давит красным на глаза и гудит в ушах. Ему страшно захотелось крикнуть матом и треснуть кулаком по столу, но он зажмурился и сжал зубы.

– Ладно, – пробормотал он, вышел в прихожую и стал натягивать куртку, – поеду на работу.

Таня расслабленно сидела, полуприкрыв глаза. Гаврик тихо щёлкнул за собой дверным замком.

Денег у него оставалось только на бензин. Аванс за новый сруб был уже частью отдан Танюше, частью истрачен. «Займу завтра у ребят! – решил он по дороге, – а пока дотюкаю кое-что на верхнем венце. Потом в бытовке переночую. Сегодня воскресенье, всё равно хоронить не станут. Да и кому хоронить-то?»

На срубе он всё никак не мог успокоиться, торопливо перескакивал вдоль верхнего венца по набросанным наспех лесам и прокручивал в голове мысли и события сегодняшнего утра. Топор подрагивал в руках, и порой ему только усилием воли удавалось сдержать себя и не всадить с размаху его лезвие в упругую плоть бревна. «Ну, Танька! Ну, сучка! Да и я тоже осёл, сколько раз зарекался не отдавать ей весь аванс! Эх, надо было всё же треснуть кулаком по столу! Мужик я или... Водки пойти, что ли, взять на вечер? А толку? Ну и что тогда, сидеть психовать всю ночь в бытовке?..»

Тут не приколотенные к лесам доски поехали под сапогом, Гаврик качнулся и, успев только испугаться, сорвался и полетел спиной вниз с четырёхметровой высоты на строительный мусор. Выскользнувший из рук топор нырнул следом, крутанулся в воздухе и одновременно с жёстким падением Гаврика ударил его обухом в скулу под правым глазом. Вспышка от удара мгновенно погасла в мозгу, и всё пропало. Свет, звук и ужасные мысли...

– Ну что, друзья мои, долго нам ещё предстоит наблюдать этот срам? – раздался в пустоте тяжёлый бас.

Неизвестно откуда возникла мысль о свете и инициировала сознание. Увидеть свет пока не удалось, веки не открылись. Зато они вроде бы есть. И слышен звук.

– Витюша, друг мой, поправьте на нём простынку, – продолжал бас, – я больше не готов созерцать чресла этого несчастного.

В пустоте почуялось какое-то движение, и сознание попыталось шевельнуться ему навстречу. Опять не удалось. Зато появилась боль. Сначала в мозгу, и Гаврик понял, что он Гаврик, а потом она быстро заполнила всё тело до пояса. Болели полной ровной болью руки, шея, голова, спина. Ноги представлялись, но почему-то не ощущались, и его внезапно охватил дикий страх. Он моментально вспомнил, как рухнул с лесов, и вдруг увидел то, чего не мог видеть. Увидел себя лежащим на снегу манекеном в робе, подивился его неестественной позе. Рассмотрел синеющую вмятину на своём лице, потом полицейских и врачей, грузящих манекен в скорую. От ужаса он дёрнулся, прервав видение, и попытался сесть, чтобы потрогать ноги.

– Глядите-ка, оживает! – слышался совсем рядом другой голос, сиплый. – Глаза открыть пытается!

– Опустите занавес, Витенька! – перебил его бас. – Мы не в Мариинке, чтоб можно голяком.

Боль вдруг пробила брешь в поясице Гаврика и горячо разлилась в ногах и копчике. От боли и радости он еле слышно замычал и понял, что на нём поправляют простыню.

– И за Ирой сходите! – добавил бас.

Гаврику всё же удалось разлепить левый глаз. Правый так и не поддался. Хоть свет и заставил левый сощуриться – выдавил воду из-под века, но резкость постепенно навелась. Гаврик услышал стук каблуков и увидел склонившееся над ним лицо медсестры. В очках, молодое и испуганно-любопытное, заслонившее серый потолок. Почти сразу его сменила голова доктора. Хмурое лицо, зелёная шапочка, жёлтые от табака зубы и борода с проседью.

– Вы слышите меня? – громко спросил доктор и нахмурился ещё больше. – Не надо пытаться говорить, вы в бинтах. И не шевелитесь. Просто моргните, если «да».

Гаврик моргнул одним глазом. Доктор щипнул его за палец ноги.

– Чувствуете?

Гаврик снова моргнул.

– Уже неплохо! – продолжил доктор. – Стало быть, новости такие. У вас тяжёлое сотрясение головного мозга, перелом носа и правой скулы и главное – компрессионный перелом позвоночника. Ушибы и гематомы я не считаю. Вам очень повезло, что чувствительность ног не потеряна, но пытаться вставать в ближайшие дни запрещаю. Особенно сидеть. Вы в корсете. Лежите пока на каталке. Сестра будет вас кормить и давать утку. Да, личность вашу мы установили через бригаду, жене сообщили. Она пока не появлялась, но её и не пустили бы в ИТАР. Сейчас уже можно. Позвонить ей?

Гаврик попытался отрицательно мотнуть головой, это у него не вышло, но доктор понял.

– Что ж, как хотите. Койку подготовят позднее и переложат вас с каталки. На этом пока всё, будем лечить и наблюдать. Выздоровливайте.

И он ушёл. Гаврик понял, что ему срочно нужно в туалет, но здесь, на людях, в утку... Он не сможет. Не будет этого, и всё. Врач сказал, запрещаю вставать. Значит, возможность встать всё же есть. Тогда он встанет. Просто встанет и пойдёт. Пусть и не просто.

Чингисхан, он же Алексей Алексеевич Темчинов, наш бригадир, лежавший на койке у окна и басом отдававший те распоряжения, что Гаврик слышал из темноты, рассказывал мне потом, как словно почувствовал замысел этого худосочного изломанного мужичка и отчего-то восхитился. Он понял, увидел, без сомнений – этот встанет. Ему вдруг показалось, что он слышит, как человек думает, и потому Алексей Алексеевич, мужчина весьма опытный и многое видевший в жизни, очень удивился и слегка оробел. Даже оглянулся вокруг.

Гаврик медленно выпростал из-под простыни правую руку, оглядел её, словно удивляясь, а затем ощупал бинты на своём лице. Разлепил пальцами правый глаз. С трудом повернул голову в одну, в другую сторону. Непонятно было, удовлетворило ли его то, что он увидел, но когда он заглянул под простыню, то

ненадолго задумался. Живот и рёбра его оказались стянуты корсетом из бинтов, а остальное тело было голым и синюшно-жёлтым.

И всё-таки нужно пытаться встать. О судне не может быть и речи. Гаврик подоткнул простыню под корсет и напрягся, чтобы почувствовать ноги. Боль усилилась во всей спине, от копчика до затылка, а потом горячей волной потекла в пятки. «Хорошо, желудок пустой, – подумал он, уронил ноги с каталки на пол и сразу перешёл из положения лёжа в стоячее, – а то сесть не смог бы, обделался бы и не почувствовал».

Он покачивался, держась рукой за каталку, но стоял. Горел позвоночник, кружилась голова, хотелось блевать, ныло разбитое лицо. Картина в глазах плохо фокусировалась. Гаврик смотрел себе под ноги и настраивался на первый шаг. Трое обитателей палаты удивлённо разглядывали его из углов.

– Туалет налево по коридору, до конца. Проводить? – спросил наконец Чингисхан и добавил через паузу, словно в ответ: – Ну, тогда смотрите сами. Простыню не уроните... Не за что.

– Алексеич, это ты ему отвечаешь, что ли? – просипел с угловой койки Витенька, темнолицый каторжанин в майке-алкоголичке и больничных шароварах, с синими от татуировок руками. – Он же молчит вроде...

Чингисхан нахмурился:

– А вы не слышите?

Витенька осклабился, показав стальные «ворота» во рту:

– Ты, Алексеич, видать, крепко головушку стряхнул, раз сам с собой говоришь!

– Погодите, Витя! – перебил его Чингисхан и обратился к третьему пациенту, лежащему на койке возле дверей с гирькой над загипсованной ногой. – Пётр Фомич, вы человек трезвый, учёный, голова у вас небитая. Неужели и вы ничего не слышите?

Пётр Фомич поправил на носу очки и прислушался:

– Боюсь, что нет, Алексей Алексеевич...

– Извините тогда...

Гаврик сделал шаг, и ему пришлось отцепиться от каталки. На втором шагу он молча повалился набок и упал. Сознания при этом не потерял и хрипел от боли, поскольку стонать и кричать голоса не было. Чингисхан встал с койки, осторожно и легко, как ребёнка, поднял Гаврика с пола и положил обратно на каталку.

– Не переживайте, дружок! – Поправляя простыню на Гаврике, он заглянул ему в лицо. – Подадим мы вам утку, раз вы Иры так стесняетесь.

– Тебе, Алексеич, охота, ты и подавай, а мы обойдёмся. – Витя откинулся на подушку и закинул ногу на ногу.

Чингисхан рассматривал забинтованную голову Гаврика и не обратил на эти слова внимания.

– Она говорит, зовут вас Гавриил Петрович, – продолжил он, – значит, Гаврик? Сильно больно? Укол, может? Ну, тогда терпите...

6

Свадьбу своего друга Жорика Гаврик сто лет не вспоминал и почти забыл, но вот Ирку, самую близкую подружку невесты, до сих пор помнил хорошо. По многим причинам. Для начала она оказалась пусть и невысокого роста, под стать Гаврику, да уж очень ладной. Всё в ней сразу ему понравилось. И то, что фигура у неё что надо, задница прямо взгляд притягивает, и улыбается хорошо, глаза аж сияют. И очки её не портят, наоборот, форсу будто придают.

Жорик уговорил Гаврика быть на свадьбе свидетелем, а на должность свидетельницы у невесты была только одна кандидатура – Ира. Их познакомили за неделю до свадьбы, в квартире, которую снимал жених втихаря от невестиной родни. Дело было в том, что родители невесты, оно и понятно, очень

строго относились к предстоящему замужеству дочери, и Жорик каждый вечер провожал Светку домой не позднее полуночи. Потому они и встречались в съёмной квартирке Жорика, маленькой, однокомнатной, вместо Светкиной институтской учёбы в дни его отгулов от работы.

– Она тебе понравится, зуб даю! Твой размер! – убеждал Жорик Гаврика по пути из магазина, где они накупили вина и закуски. – И делать тебе ничего не надо будет. Она активная, эта Ирка, у неё уже и сценарий для свадьбы написан. Твоя роль только венков, в смысле венец, в церкви поддержать надо мной да пару тостов за столом толкнуть. Сможешь ведь? Ты крещёный, кстати?

– Да вроде бы. – Гаврик задумался, вспоминая, что дед говорил давным-давно, как его, Гаврика, крестили, пока мама Нина лежала в больнице с осложнением после родов. И как окрестили, она, мол, сразу пошла на поправку.

– Ну и отлично! А то я-то нехристь был, но Светка заставила. Венчаться хочет. На днях ходил с ней в церковь, водой поливали, маслом мазали. Вроде успокоилась. Даже меньше сопротивляться теперь стала... Только вот мы с ней длинные, а венки эти, то есть венцы, они тяжёлые, говорят. Нелегко вам с Иркой придётся... Заходи! Привет, девчонки! Знакомьтесь! Ирина, это Гарик. Гарик, это Ирина.

– Ого! Как Сукачёв? – Ира улыбнулась, и Гаврик, поначалу замешкавшись, вдруг почувствовал, как по всему телу, от живота к голове и обратно, в ноги и даже руки, разливается новое, ещё не изведанное им ощущение. Истома вперемешку с куражом. Ирка была в юбке по колено и на толстых каблуках, светлые волосы собраны в клубок на затылке и проткнуты деревянной иглой. Лёгкая блуза оказалась застёгнута на все пуговицы, но рукава её были зачем-то закатаны до локтей, и всё это вместе с очками на носу и озорной улыбкой могло бы выглядеть комично, если бы не выглядело таким вожделенным и не потрясло его. Запястья Иркины были узкими, щиколотки тонкими, а бёдра, наоборот, широки, и грудь полна. Довершало впечатление радостное выражение лица девушки и ещё исходящий от неё запах печенья с корицей. Курабье, – догадался Гаврик и пожал протянутую ладошку.

– Не, как Пятачок! – ответил за Гаврика Жорик, пока тот хлопал глазами и вдыхал сдобный запах. – Он же у нас Пятаков.

– Тогда я буду Совунья!

За журнальным столиком в комнате засиделись до полуночи, болтали, смеялись, выпили всё вино. Жорик со Светой, оба высокие и худощавые, легко умещались в кресле, она время от времени будто ненароком сползала с мягкого подлокотника к нему на колени. Совунья-Ира, устроившись рядом с Гавриком на диване с поджатыми под себя ногами и слегка касаясь плечом его плеча, читала по бумажкам сценарий и объясняла прибалдевавшему Пятачку его роль свидетеля. Тот ощущал через футболку тепло её тела, скошенным глазом осторожно оглаживал её колени, чуял лёгкий запах вина вперемешку с корицей и боялся шевелиться, чтобы не упустить ни одного контактного движения.

Жорик обжимался со Светкой, когда выходил на кухню курить в открытую форточку. Из коридора доносился их тихий смех и шёпот. Ира, не обращая на это внимания, продолжала раскрывать Гаврику свой режиссёрский замысел, а он рискнул и похвалил особенно удачное место. Под конец Гаврик в азарте снял со стены над диваном старую гитару и хулиганским голосом спел под её рассохшийся аккомпанемент пару дворовых песен о любви, чем довёл градус веселья до кипения.

Конечно, Жорик с невестой опоздали на последний троллейбус и побежали до Светкиного дома бегом, благо им было недалеко. А вот Ире предстояло добираться на другой конец города, и перед уходом Жорик незаметно и будто невзначай сунул в руку Гаврику ключ от квартиры. Гаврика бросило в пот.

Все вместе зачем-то дошли до остановки, там распрощались. Девчонки расцеловались, парни пожали друг другу руки, и, когда Жорик со Светой скрылись за углом, Ира вопросительно взглянула на Гаврика. А того давно уже накрыло счастливой волной влюблённости. Он чувствовал радость и силу, перестал робеть и казался себе остроумным и красивым. Ну не меньше чем симпатичным. К тому же рассудительным.

– Слушай, Совунья, – заговорил он с улыбкой, – уже ночь, а там и до утра недалеко. Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро.

Ира улыбнулась в ответ.

– Тебе на Гвардейскую, а мне на Товарную. Как честный поросёнок, я не могу отпустить тебя одну, но денег на такси у меня нет. Если мы пойдём пешком, только к утру дойдём, наверное. Я потом быстренько побегу прямо на работу, а

ты, сонная, пойдёшь учиться. Предложение такое. Вернуться в Жоркину квартиру, спокойно выспаться и утром на учёбу и работать. А?

И он извлёк из кармана и показал ей ключ.

– Ты на диване, а я на коврике в прихожей, – добавил он, видя её сомнения. – Чессло, буду вести себя прилично!

– Не надо на коврике, – рассмеялась Ира, – там матрац есть надувной, я видела. Только чур не приставать и честное слово держать. И не подсматривать.

Обратно они шли не торопясь. Белая июньская ночь одновременно и бодрила, и разнеживала. Гаврик был в ударе и смешил Иру всякими глупостями, чему удивлялся и сам. Никогда раньше не замечал за собой способностей к весёлой болтовне. Когда вернулись и включили свет, оказалось, что не мешало бы убрать посуду. Носили чашки, тарелки и бокалы из комнаты в кухню, встречались и осторожно расходились в дверях, будто стараясь не задеть друг друга, но всё равно чуть задевали. Потом Гаврик раздвигал диван и накачивал насосом-лягушкой надувной матрац, а Ира позвякивала посудой и шумела водой из кухни. Когда кухня стихла, стук Гаврикова сердца заглушил звук душа из ванной.

Ира вышла оттуда в длинном, до полу, Светкином халате, без очков, но всё так же с собранными в узел волосами. Блузку и юбку она несла в руках.

– Утром голову вымою, а то сейчас не высохнет, – сообщила она и аккуратно положила одежду на подлокотник кресла. – Иди в душ, а я застелю пока.

Под душем Гаврик лихорадочно придумывал, как убедительнее обосновать попытку перелезть с матраца на диван. Когда он в джинсах и футболке вернулся из ванной в комнату, диван был застелен, а на матраце лежали плед и подушка.

– Слушай, у них подушки-то две, но вот постельное только одно, – посетовала Ира и спросила: – Сможешь так, под пледиком?

Гаврик разочарованно пожал плечами: мол, придётся.

– Тогда отвернись! – Она выдернула иглу-заколку из волос и стала развязывать пояс халата, не дожидаясь, когда Гаврик действительно отвернётся.

Пока он стягивал джинсы с футболкой и укладывался на матрац, из-под одеяла на диване остался виден только нос Иры. Она укуталась с головой, оставив щёлочку, чтобы дышать, и заодно подсматривала через неё за Гавриком. В сумерках комнаты повисло бессонное молчание.

– Пойми меня правильно, – сказал тот через минуту, – но матрац сдувается. Я уже почти на полу лежу, чувствую локтем.

Ира подумала немного.

– Ладно, ложись сюда, – ответила она. – Но руки чур не распускать. Я тебе говорила, что у меня есть парень.

Гаврик выдержал короткую паузу и моментально перелез под тёплое одеяло. Ира повернулась к нему спиной. От напряжённости момента Гаврика изнутри слегка потряхивало, он завозился, чтобы улечься поудобнее, и вдруг, легко и практически случайно задев её спину предплечьем, почувствовал со сладким ужасом, что Ира без ночнушки и даже без лифчика. «Ну правильно, тяжело же, небось, спать в такой сбруе, – попытался мысленно объяснить себе эту ошеломительную новость Гаврик, – тем более с её-то...» Он понял, что мысль уже далеко впереди, и он не может за ней угнаться.

– Мы же договорились! – прошептала Ира и повернулась к нему.

Её лицо оказалось совсем рядом, и Гаврик вопреки своему сознанию чуть подался вперёд и осторожно прикоснулся к её сухим и горячим губам такими же своими.

– Я руки не распускаю, – оправдался он еле слышно.

– Ещё бы... ты их распустил! – так же тихо ответила она и спросила: – А почему ты глаза не закрываешь, когда целуешься?

– Нравится на тебя смотреть...

Не закрывая глаз, она так же осторожно его поцеловала.

Всю следующую неделю Гаврик ходил как пьяный. На работе он думал о ней, снимая скобелем тонкий слой коры со ствола сосны и обнажая её светлое тело, а потом топором зарубая в нём чашки и пазы. Он погружал пальцы в свежую стружку и мял её. Пальцы слипались и пахли смолой, он плевал в ладони и скатывал смолу в маленькие пластичные шарики тёмного янтаря, прилеплял их к чистому дереву и видел родинки на Иркиных лопатках. Если на стволе попадался кап, он очищал его лезвием и лепил на него шарик побольше.

Каждый вечер они с Ирой встречались в Жоркиной квартирке, чтобы репетировать свадьбу, немного выпивали какого-нибудь вина, а иногда и не выпивали, и оставались до утра на диване жениха и невесты. Ира принесла постельное бельё, чтобы не смущать Жорку со Светой, а те улыбались и уходили не позднее десяти. Гаврик даже не задумывался, где ночует Жорик.

Ночи проходили без сна, без долгих разговоров и почти без мыслей, только на ощущениях. На впечатлениях, вызванных касаниями кожи, жаром ладоней и прохладой бёдер, усталостью припухших губ и испариной спины, запахом коричневого печенья, терпкого тела и судорогами мышц живота. Иногда она плакала, но не отпускала его, а он пугался её всхлипываний, но не останавливался и продолжал двигаться.

Утром первой обычно уходила Ира, а Гаврик делал вид, что спит, и подглядывал, как она в одном белье на цыпочках бежит из ванной в комнату, натягивает джинсы или юбку, поочерёдно поправляет груди в чашках бюстгалтера и сушит феном волосы. Он понимал, что краем глаза она замечает слежку, и наслаждался тем, как она делает вид, что не замечает.

Полностью одевшись, застегнув босоножки и даже повесив сумочку на плечо, она подходила, садилась на край постели и целовала его в губы, а он просовывал руку и, несмотря на то что приходилось мять и задира́ть юбку, обхватывал её за бедро. Она вырывалась, говорила: «Всё! До вечера!» – и шла к дверям деловой походкой. В дверном проёме она останавливалась, чтобы поправить юбку, при этом изящно выгибала спину и приподнимала голень с оттянутым, как у балерины, носком, а потом, юморно и дерзко качнув задом, делала решительный шаг на площадку.

Вечером всё повторялось с растущим напряжением. Утром накануне свадьбы первым уходил Гаврик. Ира спала, не притворяясь и не подглядывая. Он наклонился и поцеловал её в висок.

– Ну Димочка, дай поспать! – сонно пробормотала она. – Мне в ночь дежурить...

Гаврик заметил, как Ира напряглась, проснувшись от собственных слов. Не дав ни ей, ни себе времени сообразить, он быстро вышел, сбежал по лестнице и выскочил из подъезда, как из проруби. Отдышался и пошёл в общежитие переодеться в костюм и явиться к Жорику, чтобы ехать выкупать невесту.

Как прошла свадьба, он не очень помнил. На Ирку не смотрел и не говорил с ней. В церкви, стоя с ней рядом, вместо запаха печенья с корицей вдыхал дым ладана, но священника не слушал и даже почти не слышал. В ресторане, после того как закончились поздравления и началось веселье, он быстро выпил несколько рюмок с отцом и тестем Жорика, передал через них жениху, что утром опоздает на второй день, и вышел на воздух.

На крыльце плакала высокая худая девица в жёлтом платье с сильно открытой спиной. Гаврик узнал её, это была старшая сестра невесты. Он даже вспомнил, что её зовут Марина. Светка говорила как-то, что она истеричка и ей не везёт на парней. Гаврик подошёл, вытащил из пачки две сигареты и протянул одну Марине. Та перестала вздрагивать и двумя пальцами взяла сигарету. Гаврик дал ей прикурить и закурил сам.

– Марина, поедemте со мной, я знаю много смешных историй и могу вас развеселить! – сказал Гаврик голосом Пятачка из мультфильма. – И руки я не распускаю.

– Вы крайне самонадеянны, Гаврик! – ответила она в нос. – Именно поэтому я, пожалуй, и приму ваше предложение. Но руки не распускать!

– Да что вы, что вы! – Гаврик снял пиджак, накинул Марине на плечи и тихонько взял её за руку.

Они сели в такси и долго ездили по улицам и мостам в светлой мгле июньской ночи. Гаврик рассказывал Марине небылицы о своём детстве, о первой несчастной любви, о службе в армии и думал, что за последнюю неделю он уже

второй раз в ударе. Наконец он назвал таксисту адрес и перевёл дух. Марина спала, закутавшись в его пиджак.

У Жоркиного подъезда такси остановилось, и он, выходя, увидел Ирку. Она сидела на скамейке в коротком синем платье с голыми плечами и мёрзла. Рядом лежала её сумочка, кофта и бумажный пакет из магазина. Гаврик застыл, пытаясь сообразить и принять решение.

– Гаврик, куда ты? – донёсся из машины сиплый ото сна голос Марины. – Мы что, уже приехали?

– Шеф, держи! – Гаврик сунулся обратно в такси и протянул водителю купюры. – Выручи, отвези её назад. Я догоню. – И он захлопнул дверь.

Такси тронулось. Ирка встала со скамейки. Вытащила из пакета бутылку белого вина.

– Догонишь? – спокойно спросила она. – Ну, догоняй! А я-то, дура, с Димочкой рассорилась! Вот мне за это!

Она взяла бутылку за горлышко и легко, почти без брызг, разбила её о скамейку. В руке у неё осталась «розочка» с длинным лепестком.

– И мне, и тебе, и ему! – Ирка подняла левую руку и с каждым произнесённым словом стала сечь её острым обломком стекла. – И мне, и тебе, и ему! И ей заодно!

Она бросила горлышко на асфальт, села на скамейку и заплакала. Кровь, почти чёрная в сумерках, часто капала с пальцев бессильно опущенной руки. Преодолев первый испуг, Гаврик подбежал, наклонился, обхватил порезанную руку ладонью и сжал изо всей силы.

– Быстро! Пошла за мной! – крикнул он в лицо Ирке и потащил её в подъезд.

Она не сопротивлялась, стучала каблуками по лестнице вслед за ним и размазывала слёзы по лицу. Вбежав в квартиру, он посадил её в кресло и отлепил свои пальцы от порезов. Кровь уже почти перестала течь. Гаврик

сдёрнул с расправленного дивана простыню и с треском оторвал от неё длинную полосу.

– Дай сюда, ну! – Он туго замотал ей руку и отошёл. – В травмпункт надо ехать.

Ирка сидела сгорбившись и здоровой рукой держала забинтованную, как куклу. С заплаканными глазами, растрёпанными кудрями и размазанной по лицу косметикой она вызывала у Гаврика жалость до боли и была страшно желанна.

– Только без тебя! – глухо проговорила она, встала и вышла в прихожую.

Оттуда позвонила. Гаврик расслышал только «приезжай за мной» и «тут недалеко», а потом она почти прокричала в трубку адрес и ушла в кухню. Встала у окна и стала смотреть в него не мигая. Гаврик стоял у окна в комнате. Через семь бесконечных минут к дому подъехал приземистый красный автомобиль, урчащий басом, и из него вылез брюнет в чёрной рубашке с подвёрнутыми рукавами и в светлых брюках. С виду он был на голову выше Гаврика и вдвое шире его в плечах.

Ира молча вышла и аккуратно прикрыла за собой двери. Из подъезда она выбежала, накинув на забинтованную руку кофточку. Брюнет усадил её справа на переднее сиденье, а сам сел за руль. Автомобиль уехал со двора, и стало совсем тихо.

Гаврик узнал потом, что Ира вышла за брюнета замуж и родила ему двух дочерей, Сашу и Настю. Он даже как-то раз видел её издалека с коляской, но не стал подходить. Зачем?

Ребята из нашей бригады каждый день навещали Алексея Алексеевича в больнице, но делали это строго по очереди, и не только из-за лени. Прозвище Чингисхан просто так, от впечатления фамилией, не дадут.

У нас в городке одно время ходили слухи, ничем, правда, не подтверждённые, что в прошлом веке где-то за Уралом была у него банда численностью с Золотую Орду. Вольно грабила она бескрайние сибирские просторы, собирала дань с купцов, пока не схлестнулась с милицейской ратью или, может быть, с другой ордой, ещё страшнее, например, с Голубой. Вся в битве погибла, а Чингисхана победившие враги сожгли на погребальном костре, сделанном из его загородного дома. Возможно, после этих событий прозвище Феникс подошло бы Алексею Алексеевичу больше, однако вслух его никто не произносил.

Как и когда он восстал из пепла в тихом нашем месте, никто не знает, только однажды в порту появилась новая бригада грузчиков в опрятных синих робах. Её бригадиру, человеку могучей стати и обходительного обращения, прячущему под культурной рыжеватой бородой некрасивые ожоги, быстро и без видимых конфликтов удалось занять лучшие пристани для своих людей. Не знаю, как другие, но лично я, Михаил Медвежонок, попал в бригаду благодаря своему поэтическому дару, а также тонкому эстетическому чувству Алексея Алексеевича. Вышло это так.

Инженерно-технические и дорожно-строительные войска, в просторечье «стройбат», из рядов которых я к тому времени недавно демобилизовался, при всём неоднозначном к ним отношении со стороны некоторых слоёв общества сумели-таки достойно подготовить меня к гражданской жизни. Только понял я это не сразу, поначалу взявшись не за то занятие.

Мне, как я уже сказал, ещё в школе хотелось стать артистом, художником или поэтом, но мой отец, Станислав Михайлович, всегда говорил на это:

– Вот придёшь из армии, дурь из тебя лишняя выветрится, и делай, что посчитаешь правильным! Хочешь – пой, а хочешь – куй!

О службе моей в вооружённых силах можно составить отдельный опус, но здесь я этим заниматься не стану. Скажу только, что стремления к прекрасному стройбат не смог у меня отбить, хотя и пытался. И вот, вернувшись, я начал искать себе творческое занятие.

Это оказалось нелегко. На художника нужно было ехать учиться, следовательно, обладать финансовой независимостью, которой я пока не имел. Стихи мои почему-то никуда не брали, а единственно-важным делом, где я мог явить свой талант

перевоплощения, оказалась работа зазывалой в кафе-баре «Горячий город». Бар этот находится в самом начале Порт-шоссе, главной улицы нашего городка, и считается сердцем его вечерней жизни.

Решающим фактором, убедившим меня принять предложение хозяина кафе, было наличие сразу нескольких костюмов, так сказать, рабочей спецодежды. Здесь был и костюм гамбургера, и стаканчика жареной картошки, и бутылки колы с красной шапкой-пробкой. В тот день, когда я встретил Чингисхана, я был хот-догом. А ещё мне разрешали читать свои стихи. Не всякие, естественно, а тематические. Возможно, кого-то из прохожих и настораживал высокий человек в странном костюме и очках с сильными линзами, декламирующий гастрономические четверостишия, но у большинства эта картина вызывала улыбку и некий интерес. Мне иногда и на чай давали.

Добавлю несколько слов об Алексее Алексеевиче и перейду к делу. Бригадир наш, хоть и железный человек, примерно раз в три месяца позволяет себе выходной. Утром он садится в свой старый, но всё ещё крепкий джип известной марки, уезжает за город и с сумасшедшей скоростью полдня гоняет на нём по бездорожью. Совершает какие-то немыслимые трюки, пуская внедорожник в управляемый занос на поворотах обледеневшего, раскисшего или пыльного просёлка. Потом возвращается в город, ставит его на мойку и ремонт, а сам идёт в кафе, ищет себе собеседника из посетителей и разговаривает с ним за бутылкой виски до тех пор, пока не потеряет интерес или самого собутыльника. После этого расплачивается, в изысканных выражениях благодарит визави и в случае необходимости отправляет его домой в такси. Затем уходит сам, ни разу не качнувшись.

В тот сухой осенний вечер на пути ему попался я. Я как раз произносил финальное четверостишие моего нового стихотворения на кулинарную тему и для пущего эффекта делал это с протяжными интонациями Иосифа Бродского:

–?Ну а больше всего я люблю винегрет,

В его вкусе таится какой-то секрет.

То солёный, то кислый, то сладкий...

Заходи и отведай, ребятки!

Алексей Алексеевич, в эту минуту проходивший мимо меня к дверям заведения, остановился и внимательно дослушал.

– Молодой человек, если позволите, два слова! – сказал он, дождавшись, когда я замолкну. – Рифма ваша довольно точна и небанальна. Стихотворный размер соответствует поставленной задаче. Однако в последней, самой важной строке произведения слышится небольшой диссонанс. Вы обращаетесь к аудитории, состоящей из множества слушателей, но используете глаголы в единственном числе. «Заходи и отведай». Ошибка незначительная, заметная лишь чуткому уху. Зная, как зачастую непросто поэты относятся к критическим замечаниям, добавлю, что это легко поправить. Что вы скажете, например, о таком коррективе: «Заходите отведать, ребятки»?

– Пожалуй, стоит подумать, – ответил я неуверенно.

– Извините, что помешал работать.

– Ничего. А вы поэт?

– К сожалению, несостоявшийся. – И он, к вящему моему удивлению, протянул мне руку. – Алексей Темчинов, философ-натуралист.

Рука была твёрдая, как бейсбольная бита, и мне пришлось напрячься изо всей силы, чтобы соответствовать рукопожатию, да ещё и не показать виду, что сила эта – вся.

– Михаил Медвежонок, – ответил я вежливо и непринуждённо, – художник в творческом поиске.

– Превосходно! Вам нет необходимости придумывать себе псевдоним. Рад познакомиться! Служили?

– Так точно.

– В каком полку?

– Будучи облечён доверием общества... в строи-тельном батальоне.

– Отлично! – Алексей Алексеевич даже рассмеялся коротко. – В наше печальное своей инфантильностью время приятно встретить молодого человека, читающего классику советской литературы, а не только разглядывающего комиксы. Значит, кубы катать и шары носить приходилось?

– Увы! – Я кивнул в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bushkovskiy_aleksandr/yasnovidec-pyatakov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)